

ГДЕ ОНА СЕЙЧАС?

В открытую форточку квартиры влетела ласточка. А обратно не могла вылететь, металась. Хозяев не было. Приехали. Зажгли свет. Ласточка выползла из угла. Они вначале испугались её чёрного цвета. Но разглядели — ласточка. Совершенно обессилевшая. Стали выхаживать. Молоко не пьёт, крошки не клюёт. Стали смотреть в Интернете о ласточках: питаются мошками, комарами, мухами. Стали ловить. Водичку закапывали в клювик пипеткой. О ласточке узнали знакомые и их дети. Приходили смотреть.

Сделали ей гнёздышко. Даже ночью вставляли поглядеть, жива ли. Была жива, слабо царапалась крохотными коготками. Но ходить долго не умела, падала набок, она же до этого больше была в воздухе, чем на земле.

Вскоре от любви и заботы ласточка окрепла. А тут подошло время осени, птицы улетают. И она рвалась лететь. Взмывала под потолок, пачкала крылья об извёстку, кидалась к окну, ударялась о стекло. Выпустить боялись: вдруг упадёт, там её кошки съедят.

Но вот, кажется, она успокоилась. Решили: пусть зимует.

Утром мама семейства почувствовала, что с ласточкой что-то не то. Взяла её на руки. Ласточка выгибала головку

вверх, и вниз, и вбок. Тихонько пискнула и замерла. Женщина сказала старшей дочери, и они вдоволь наревелись. А младшему сыну, когда отец привёл его из детского садика, сказали, что ласточка улетела на юг с другими ласточками.

И он долго расспрашивал: «А что она сказала, когда улетала? Сказала спасибо, да? И сказала, что прилетит, да?» И выходил на балкон и глядел в сторону юга. Он уже знал, где юг. Папа научил. Говорил: «Откуда появляется солнце, там восток, а вправо от него юг». И мальчик показывал в ту сторону друзьям. И дома не давал разбирать гнёздышко. «Она же сказала, что прилетит».

ГАВАНСКАЯ СИГАРА

Раз я приехал к родителям в трудное для них время. Приехал внезапно, они не знали. Хотел обрадовать. Подхожу к дому — окна все белые, в иное, то есть в доме не топлено. Где родители прятали ключи, я знал. Вошёл — холодища. К соседям. Они сказали, что мама в больнице, а отец, как всегда в зимнее время, на лесозаготовках.

— Что же они не сообщали?

— Не хотели, видно, расстраивать.

Я затопил печь и побежал в больницу. Мама увидела меня и запросилась домой. Хотя была очень слаба. Её привезли на больничной машине.

К вечеру в доме потеплело. Даже кошка вернулась и громко мурлыкала на печке.

Мама ей выговаривала:

— Что ж ты изменщица такая? Чуть-чуть тебе плохо — ты уж готова, нет тебя. Чего тебе в ногах не лежалось? И мне бы потеплей. Нет, утrepала.

Кошка спрыгивала с печки и тёрлась о мамины ноги.

Утром надо было обязательно на ежедневные уколы, которые ей назначили. Мы еле-еле побрели. Кошка проводила нас до калитки. Врачиха хотела оставить маму в больнице, но мама отказалась.

Стали потихоньку жить. Мама всё казнилась тем, что ничего не может делать, всё из рук валится, а я был рад, что помогаю. Да и велика ли помощь — картошки начистить, сварить,

чай поставить, за хлебом сходить. Мама сказала, у какой хозяйки берёт молоко, стал и я брать. И нам хватало, и кошке. Совсем мы ожили. Я выговаривал маме, что скрыла от детей о болезни.

— Честно тебе скажу: боялась. Вот бы раззвонила, болезнь-то бы и разошлась, прижала бы окончательно. А так — перебарывала. Даже и в больнице. Вечером выжду — уснут в палатах, рано засыпали, если хоккея этого нет, и пошарачусь в коридор. Даю себе задание, сколько раз пройти. По стенке, кто бы видел. Потом старалась на одну ступеньку подняться, на две. Потом побольше. Потом и ты приехал.

В одно время с нами ходил на перевязки мужчина с обмороженными, даже не с обмороженными, а с отмороженными руками. Рук уже не было — культяпки. Его приводила жена. Ведь его же надо было и раздеть, и одеть. Ожидая очереди, он курил с мужиками и каждый раз охотно рассказывал, что беда с ним случилась по пьянке. Держал в перебинтованных обрубках длинную самокрутку и курил. Именно самокрутки ему делала жена. Сигареты и папиросы были и тонки, и коротки, обжигали марлю. Медсёстры ругались.

— Начинай курить, — советовал мужик жене, пока она скручивала клочок газеты в трубочку и в неё засыпала купленный табак.

Жена сердито отмахивалась, вставляла ему в зубы цигарку и уходила к женщинам.

— Злая, — говорил о ней мужик, — на хлеб с ножом бросается, — и тут же оправдывал: — А и будешь злой: пенсию-то мне урежут до нуля, я же по пьянке, какие у нас страховки. Инвалидность-то сунут, а денег — хрен да маленько.

И вновь рассказывал, как он «надрался этого плодОВО-выгодного, шёл домой, да и сунулся мордой в сугроб. Пытался встать, отталкивался руками, ослабел и так и уснул».

— В паху надо было держать, в паху, — советовали ему.

— Уж в следующий раз не сплошаю.

Вернулся из леса отец, стало нам совсем повеселее. На уколы ходили уже через день. Кошка провожала нас до больницы и дожидалась у крыльца. Я здоровался с тем мужиком, разговаривал. Однажды он пришёл весёлый, держал в зубах большую гаванскую сигару. Радостно объяснил, что ему её купила жена.

— Надоело, видно, крутить. Денег не пожалела,— и очень одобрял сигару: — Крепкая, собака! Надолго хватает. И так лёгкие продирает, что пореже стал курить.

Я сказал, что сигарами не затягиваются.

— Так зачем тогда и курить? — возразил мужик.— Ядрёный народ эти кубинцы. Не зря у них Фидель Кастро.

Затягивался, кашлял до слёз и вытирал слёзы обрубком руки в марлевой повязке.

НА ПОЧТЕ

Сижу на деревянном крыльце почты, жду открытия. Пришёл позвонить. Сидит рядом старуха, тоже ждёт. Подходит ещё одна старуха. Я встаю.

— Ой, да сиди-ко, сиди. Ещё насидишься, пока добреду.

Старухи здороваются. Приходит почтальонка, открывает.

— Молодцы, молодушки. И мне к вам не ходить. Сергеевна, возьми-ко открытку.

— Ой, надо же,— радуется Сергеевна,— ещё и на письмо натакалась. Прочти-ка, Анюта.

Подружка громко читает новогоднее поздравление.

— Это ведь знаешь кто? — объясняет Сергеевна.— Это ведь Надя, постоянлица, сына-то ещё привозила. Разведёнка. Больше ничего не пишет, поздравляет только?

— Как не пишет? Пишет, спрашивает: замуж-то, спрашивает, ещё не вышла? Так, говорит, выходи.

Старухи хохочут.

— Замуж-то бы надо: могилу некому копать, так жениха-то нет.

— Как нет? А Иван-то Николаевич?

И опять обе смеются.

— Жени-и-их,— презрительно тянет Сергеевна.— Привёз мешок ячменю. В кошёвке катал, катал, весь насадился, не знает, под какую руку взять, как поднять. Я подхватила мешок под одну руку, потащила. Он рядом идёт, к женитьбе подговаривается. Жених — без груза запыхтелся. Думала: ещё помрёт у меня во дворе, детям-то его радость, а мне какво? Взяла его в охапку, отнесла за ворота.

— Так откуда ему силу взять? — поддерживает Анюта.— Тяжелей карандаша ничего не поднимал. Всё в учётчиках да в нормировщиках. Уж так берётся. Валиком прокатился. А всё одно — завод кончается. Бога не обманешь. Дай-ка, Лена, пару конвертиков да какую газетку старую на растопку. Домой-то идёшь ли, Сергеевна? А то я пошла.

— Ой,— спохватывается Сергеевна,— надо ведь ответ написать. Не попрошу ли кого?

Конечно, я насался помочь. Старуха обрадовалась, купила открытку. Я переписал на неё адрес с полученной открытки и приготовился слушать диктовку.

— Пиши: «С Новым годом, Надя, с Рождеством!» Уж до Нового года не успеет. «Спасибо, Надя, не забываешь, а свои забыли. Здоровье вовсе ни к чему, хожу только в магазин, да чтоб видели, что ещё живая. Снегу мало, один лёд, так никуда и не пойдёшь, такая катушка, так и брожу ближе к краю».

— Это на открытке не уместится. Я вот тут остановился: «Свои забыли, а ты, спасибо, не забываешь».

— Ой, да это-то, ладно, не пиши. «Спасибо, Надя, здоровья желаешь. Ничего, пока шарачусь потихоньку. И по дому маленько шишляю. А от коровы отступилась, но ты приезжай и парня привози, молоко ему знаю где взять».

Кое-как улепив старухину диктовку, я подписал внизу её фамилию.

— Вот какая везетень,— радуется Сергеевна,— писаря нашла. Так-то я на лесосклад хожу, мне мужики пишут за папиросы. Тебе взять? Не куришь? Ой, и больно ладно. Так ещё одну не напишешь ли?

— Да хоть сколько.

— Хоть сколько некуда. Некому. Все примёрли.

Старуха покупает ещё открытку и на память диктует адрес. И диктует дальше:

— «Здравствуйте, Надя...» Дочь-то тоже Надя. «...Леонид, дети и сватья! Чего-то вы всё не пишете, ровно не живые».

— Вначале напишу: «С Новым годом!»

— Дак это ещё бы. А нужна была — навеличивали, мёду всегда наливала, не весила. Но это ты не пиши, напиши: «Пока, слава Богу, жива-здоровая, за хлебом хожу сама, а больше никуда не хожу. Корову порушила, одни курицы

да кошка, доедают за мной. Завалинку не наладила, боюсь, весной вода подойдёт, подполье затопит, вот будет делов. А приедете, молоко можно брать у соседей. Даром нальют: всю жизнь в моей бане моются», — старуха будто не мне диктовала, а с дочерью напрямую разговаривала. — «Ещё жила посторонняя женщина, разведённая, тоже Надя, лечила сына. Навезла всего: платьев сколько, и шерстяное тёплое, и другие разные. И халат красивый, и пальто крепкое, хватит до смерти. А ещё кладу сколько-то от пенсии на книжку. Для вас, чтоб вам хоронить меня было не в тягость. А приедете, покажется мало — не обессудьте. Была корова, продавала молоко — больше откладывала. Кто литр возьмёт, кто два».

Я слушал и уже не записывал. Старуха горестно качала головой.

— «Старшего твоего, Надя, я помню, а младшего совсем не знаю. Пошлите хоть карточку, вставлю под стекло, добавлю к другим, — старуха передохнула. — А не приедете — и без вас закопают. Ещё никого сверху не оставляли...» Ой, — спохватилась она, — это не надо.

— Это я и не записывал.

— А как записал?

— Поздравление с Новым годом, и чтоб приезжали.

— Верно, верно. Ещё напиши: и с Рождеством, и с Крещением, и со Сретением, и с жаворонками...

— С Благовещением.

— Да. Раньше ответить не соберутся. Ой, молодой человек, вот уж спасибо тебе! Так не куришь? Нет? Может, пива с мужиками выпьешь?

Старуха стала меня расспрашивать, откуда я, чей, звала к себе.

— У меня и пряники есть. Твёрдые. Так я их молотком дроблю.

Я поблагодарил, но отказался. Во-первых, мне надо было звонить, во-вторых, стыдно сказать, подумал, что мы будем долго идти до её дома, время потеряю и так далее.

То есть этим оправдал себя и не пошёл с нею. И потом очень жалел. Не пошёл, дурачок. И что было не пойти? Пил бы чай с пряниками да записывал бы за ней. Где сейчас найти такую старуху?